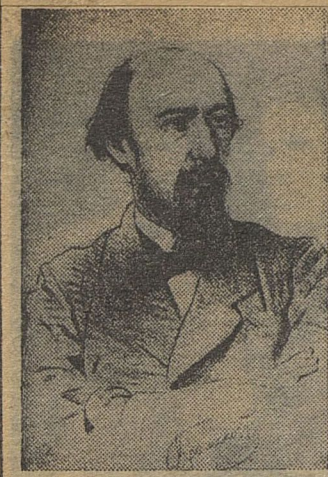

10 декабря исполнилось 160 лет со дня рождения великого русского поэта Николая Алексеевича Некрасова. Имя его стоит в ряду самых прославленных корифеев русского художественного слова, знаменуя собой целую эпоху в развитии отечественной поэзии, журналистики и литературы в целом. Отмечая эту дату, «Литературная Россия» публикует сегодня очерки влиятельного племянника поэта, литературоведа Н. Некрасова об одном из некрасовских мест и статью ностромича В. Бочкова, раскрывающую реальную основу одного из известнейших произведений поэта.

лугу по вечерам перепелов...».

Живя в Аleshунине, Некрасов не только «поколачивал перепелов». Летом 1853 года он работал над романом «Тонкий человек», действие которого разворачивается в муромских местах. К сожалению, этот во многом автобиографический роман мало известен. «Тонкий человек» — единственное прозаическое произведение Некрасова о русской деревне. В нем Николай Алексеевич очень точно и подробно описывает жизнь и быт крепостных крестьян.

Еще недавно в Аleshунино было нелегко добраться. Впервые я побывал в этих местах в начале семидесятых годов. Ехать пришлось, как и героям повести Некрасова, через село Фомино, расположенное на половине дороги между Гороховцом и Муромом. От Фоминок по разбитой проселочной дороге кое-как добрались до деревни Баландино. За ней — торфяные болота, дальше — смешанный лес. Справа от дороги — река-озеро Виша, окаймленное удивительно красивыми берегами. Дорога то подходит к самому озеру, то отступает от него, петляя между огромными соснами. Несколько в стороне от Виши, на опушке густого леса, и открывается Аleshунино.

Долго разыскивал я кого-нибудь из старожилов, кто бы знал, где стоял дом поэта. Выручила меня самая старая жительница Аleshунина — восьмидесятилетняя бабушка Луша. Она рассказала, где была усадьба Некрасова. Сейчас здесь стоит дом ее брата В. М. Белякова. В начале тридцатых годов, работая на своем огороде, Владимир Михайлович выкопал необычайно большой кирпич. Продолжая копать, он обнаружил фундамент какого-то строения, разобрав который сложил печь в бане.

С огорода Белякова открывается прекрасный вид. Стою и не могу насмотреться на раз-

вернувшуюся передо мной картину. Все, как в письме Тургеневу: и озеро, и луг, и голубая лента Оки на горизонте... Вдали — деревни, в своей Некрасов описывает в своей повести, сохранив их подлинное название: Софонино, Клино, Боровичи...

Все лето 1853 года Николай Алексеевич прожил в Аleshунино, приезжал он сюда в 1860 и

Места литературные

1861 годах и — предположительно — в 1858-м. Муромские впечатления и наблюдения Некрасов использовал при создании поэмы «Кому на Руси жить хорошо», стихотворений «Зеленый шум», «Пчелы», «Дедушка Мазай и зайцы».

В романе «Тонкий человек» есть, например, описание затопленного половодьем островка, на котором мальчишки ловили улиток — «били вдогонку палками или, мгновенно падая, давили их брюхом, причем несчаст-

ная жертва испускала раздирающий крик, подобный плачу ребенка».

В стихотворении «Дедушка Мазай и зайцы», написанном через пятнадцать лет после романа «Тонкий человек», почти та же картина:

Зайцы вот тоже, —
их жалко до слез!
Только весенние всходы
нахлынут,
и без того они сотнями
гинут, —
Нет! еще мало! бегут мужики,
Ловят, и топят,
и бьют их баграми...

текает верстах в 30—40 от Муроме.

Некрасов немало побродил в окрестностях Аleshунина. Старожилы помнят и сейчас рассказывают о своих дедов и прадедов о приездах поэта. До чего же красивы здешние места! Недаром Николай Алексеевич так любил отдыхать и охотиться именно в Аleshунино. Галимин бор с его многовековыми дубами на опушке, чуть не под каждым — толстоногий, с темно-коричневой шляпкой боровик. Озеро Виша, розовеющее в лучах восходящего солнца. Глухие чащобы с выводками рябчиков и тетеревов... И главное — почти все это сохранилось до нашего времени.

Увековечением памяти поэта и приведением в порядок некрасовских мест во Владимирской области давно уже занимаются почитатели таланта великого поэта. Школьники под руководством местных краеведов обследовали место, где, по преданию, находился дом Некрасова, и обнаружили там участок бута от кирпичного фундамента. Тогда и возникла идея восстановить этот дом. Идею энтузиастов-краеведов поддержали партийные и советские организации. Принято решение Владимирским облисполкомом о восстановлении дома Некрасова в Аleshунино. Работы уже начаты: огорожен участок, выведены фундамент здания, часть стены, устроены дорожки, установлены цветники. Скульптор И. В. Бесчаснов, уроженец Муроме, ныне живущий в Челябинске, в дар будущему заповеднику изготовил барельеф Н. А. Некрасова, который будет установлен на доме поэта.

Хочется надеяться, что сюда, в Аleshунино, так же как в Карабаху, протянется наконец «народная тропа» и еще один памятный уголок земли нашей будет сохранен для грядущих поколений.

Николай НЕКРАСОВ

ПО СЛЕДАМ ГЕРОЕВ КНИГ

ОГОРОДНИК ИЗ ЧУХЛОМЫ

ЗНАМЕНИТОЕ стихотворение Н. А. Некрасова «Огородник» стало одной из любимых народных песен, а для поэта явилось, по словам К. Чуковского, «первым опытом... в области народного творчества». История крепостного садовника, жестоко пострадавшего за любовь к дворянской девушке, была нередкой в те времена. На первый взгляд герои некрасовского стихотворения — и девушка, и ее возлюбленный — образы собирательные, почти фольклорные. Но оказалось, что есть у них и реальные прототипы.

В 1929 году директор Чухломского музея А. Н. Казаринов записал рассказ крестьянина-старожилы из деревни Занино А. Д. Ласточкина о трагической любви крепостного садовника Андрея Ивановича Фигуркина и дочери занинского помещика Катенина. В семье Катениных также было много предание, что в стихотворении «Огородник» Н. А. Некрасов описал действительную историю.

Устроитель усадьбы Н. Ф. Катенин, поселившись в 1790 году в Занино, выстроил кирпичный, десятилетний и столичный завод, ткацкую мастерскую, постоянный двор. Крупный лексикограф Н. П. Макаров, родом чухломич, описал его в книге «Мои семидесятилетние воспоминания»:

«Если бы покойный Загоскин, писавши своего «Юрия Милославского», копировал с когнобуиды мрачный облик боярина Кручины Шалонского, то для этого не мог бы найти лучшего прототипа, чем Николай Федо-

рович Катенин... Для него ничего и ничего не было святого и неприкосновенного... А что он проделывал с своими несчастными крепостными, которые бежали от него десятками, предпринимал острот и ссылку в натуре жизни у своего безжалостного повелителя».

Рассказав о лютостях Н. Ф. Катенина, Н. П. Макаров описал и его сына, бывшего долгое время чухломским уездным предводителем дворянства, откупщиком питейных заведений. Иван Николаевич Катенин был известен «своею вспыльчивостью, порывами бешеного гнева и жестоким обращением с некоторыми из своих детей, в особенности с одной из своих дочерей, красавицей и мученицей, погибшей в цвете лет... Но рука у меня не имеет и перо останавливается от ужаса... Может быть, когда-нибудь в другом месте и расскажу я мрачную, раздирающую душу повесть о страшных, ужасающих поступках бесчеловечного отца с дочерью».

Отголоски этой «повести» мы и находим в стихотворении Некрасова. Время трагедии устанавливается по описи фонда канцелярии губернатора в Костромском облгосархиве, где приведен заголовок дела о сдаче в солдаты крепостного крестьянина Катениных Андрея Иванова (Фигуркина). Само дело, относящееся к ноябрю 1840 года, не сохранилось. Но о какой из дочерей идет речь?

И. Н. Катенин был женат дважды, имел девять детей. Героиней рассказа Макарова и Ласточкина могла быть, очевидно, только одна из семерых его дочерей — Екатерина. Она родилась в 1821 году, а после 1840 года ее имя исчезает из семейных документов; еще че-

рез 14 лет, после смерти отца, она называется «девицей», но в разделе родительского имения не участвует.

Остановимся подробнее на воспоминаниях А. Д. Ласточкина, сопоставляя их с текстом стихотворения Н. А. Некрасова.

У И. Н. Катенина был крепостной садовник — Андрей Иванович Фигуркин, высокого роста молодой красавец. Некрасовский «огородник» поясняет: «Я в немецком саду работал по весне». Такой «немецкий», то есть регулярный, обрабатываемый по правилам сад имелся в Занино. В нем трудились опытные садовники, прошедшие хорошую выучку. «Огородник» успел до «немецкого» сада поработать в садах и огородах по торговым делам, по большим городам. Внешность его под стать наружности Фигуркина: «сам я пригожий», «словно сокол глажу», «круглолиц, белолиц, у меня ль, молдаца, кудри — чесаный лен».

«Дворянская дочь» не менее щедро оделена от природы — «черноброва, статна, словно сахар бела».

Девушке жилось в Занино трудно: пребывание в лесном имении, жадность и чванливость владельца которого отпугивали гостей, не могло быть приятным. На развитие Екатерины Ивановны оказало влияние чтение книг, журналов из огромной занинской библиотеки, насчитывавшей пять тысяч томов. Словесными предассудками деда и отца она заражена не была.

И. Н. Катенин надолго отлу-

чался по делам питейных откупов. Екатерина оказалась предоставленной самой себе, это и облегчило ее знакомство с садовником. «...Частенько она приходила... погулять, посмотреть на работу» его, даже пыталась помогать. Никого из родных не интересовало, о чем подолгу беседуют дочь гордого барина и крепостной. Оба они были молоды, красивы, одиноки. Быстро и незаметно возникли обоюдный интерес, взаимная симпатия, вспыхнула любовь.

Они встречались, пока длилось лето, в укромных уголках сада; Ласточкин называет круглый остров на пруду, выкопанном в конце парка. Наступила осень, встречи в саду пришлось прекратить, а свидания в доме от зорких глаз двора не скроешь. Донесли барину. Тот велел устроить засаду:

Вот однажды, как я крался
в горенку к ней,
Кто-то цап за плечо:
«держи вора!» — кричит.

Так же рассказывает и Ласточкин о поимке садовника. Катенин, безмерно чванившийся своим древним, восходящим к XV веку дворянством и аристократическим родством, поставился воспрепятствовать распространению слуха о близости дочери с дворовым человеком. Он мог замучить Фигуркина. Уездные следователи — катенинские «хлебоядцы» — признали бы, что садовник «умер по воле божией», но истинную причину смерти разнесла бы тысячаустая молва. Бешеный самодур пе-

ресилил себя. Фигуркина ожидала «мягкая» кара — его высекли и сдали в солдаты. «Огородник» тоже говорит о себе: «Постегали плетью, и уводят дружка от родной стороны...»

А Некрасов обрывает стихотворение наказанием «огородника», который «свой век загубил за девицу-красу». Но жизнь каждого участника этой истории продолжалась и известна из воспоминаний.

Свириный гнев барина обрушился на дочь. Ее замуровали в комнате, заложив кирпичом окна и дверь, пищу подавали в маленькое отверстие.

Вскоре Екатерина Иванова, по собственному ли желанию или по воле отца, ушла в Николо-Староторжский монастырь в Галиче. После смерти И. Н. Катенина родственники предлагали ей вернуться домой, но она отказалась и умерла в монастыре. А. И. Фигуркин, отслужив долгие годы солдатчины, поселился в Галиче, верно, чтобы быть рядом с могилой любимой.

Как узнал столичный поэт о событиях, происшедших в глухой провинциальной усадьбе? В августе — сентябре 1845 года он жил у отца в селе Грешневе, что на границе Ярославской и Костромской губерний. У Алексея Семеновича была масса знакомых среди костромских дворян, не мог он не знать и Катенина. Видимо, от отца поэт и узнал о занинской трагедии, которую так и не удалось скрыть.

Виктор БОЧКОВ
КОСТРОМА